

Денис БЫЧИХИН

Идея генезиса слишком темна в финале.
Надежда
куда светлей.
Мы делаем снеговика веселья
из нашей печали.
И слышим, как он смеётся над нами
во всякой мгле.

Три девушки танцуют
в июне в пляжном баре.
Мы всё ещё репетируем счастье,
всё ещё что-то знаем.

Сократ прикрыл Алкивиада в бою щитом
картину сделали об этом потом
теперь они при Потидее иных живей
над ними в трещинах идеи
синклит лучей
земля под ними пьедесталом
дыр лер бер щей
различные на них металлы
аргентум аурум палладий и мгла плащей

Герой садится за стол,
тускнеют в углу доспехи:
мемуары и всё такое...
Вдали воскресает Троя.
Но полем бегут морпехи,

Денис Бычихин родился в 1975 году в Хабаровске. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат философских наук. С 2006 года живёт в Туле, сотрудник Тульского историко-архитектурного музея. Публиковался в журналах TextOnly, «Флаги», «Этажи», на сайте «Полутона», в альманахе «СредА» и др. Автор книги стихотворений «Слова и знаки препинания» (2020).

несут в рукавах глаголы
прошедшего времени,
смеётся герой, в-р-е-м-е-н-и,
которое он, наживая ахейский, прошёл.

Кустарник из стрел и прочее, что пора бы выдумать,
герой представляет
и вдруг замолкает, видимый.
Настолько, что страшно.
Башни кивают пашням.

говорите а жаль
тишины псс
спираль над полосой
корытвин и сёл
мегаполисы словно портики
кредиты юриц в наколенниках
боб нафабранных сой

Философ, равный самому себе,
сидит в кровати,
прибывшей в Тибет,
идёт меж лакированных машин
в ночи доли долин,
куст повторяет корни ветками,
роса
цивилизует
лепестки,
босые говорят с беседками
по мановению читающей руки.

Представитель меловых структур
выкинул на рынок гарнитур,
рынок между скалами чадил,
правил там гвинеец Боабдил.

Боабдил садится на тахту
с каменной повесткою во рту,
водоросли сохнут, все галдят.
Представитель движется в закат.

Дым вокруг фигуры представителя,
свет, что Боабдиду удивительно.
Свет царит, и прибывает прибыль.
Глыбам мела приоткрыли небо.

В щетине, как предложено мужчине
природой
и рекламой барбершопов,
идёшь домой и видишь свет в долине
над порослью завода.
Вот: Европа.

Чуть погода:
и Азия, возможно,
собачники, собравшись в круг,
смеются.

Соседний мир ведёт по бездорожью
верблюдов тишины,
контрреволюции.

амбиции и ситуации
темны
островов стагнации
клетчатые штаны
причалаила лодка
ноготь кого-то из наших кураторов
вот как
шучу

Читал о материальной культуре
Древнего Рима.
Думал, как будем смешны
мы
всего через пару столетий.
Пот гладиаторов в косметике,
то, как его соскребали
в зарешеченных,
перепропахших помещениях
после боя,
соус с гельминтами, из перегнившей рыбы.

Ксилоспонгий в общественной уборной.
И наши лидеры сборной
в рекламе жиллетта.
Меню, пугающее индуиста.
Кабины миазмов на праздниках.
Говоря короче, культура туристов
уверенных, здесь all inclusive,
адреналиновый берег в отельной застройке,
и нужно, белея от страха, спешить.
Древнийримповторимтретийрим.
Пылесосы, турусы, вожди.

алхимики

мы остановились в таверне
многие из нас
были портретами инерции
пил из глины заставленной чашей
йотсан настой
соединяли бумагу с чернилами
это казалось этим
перед таким войском звёзд
цилиндры двигались соломы
ученый допрашивал каплю в капле других учёных
хозяйки стелили слова
и выходя из комнат пахли собой
в метели
крупницы сложились

Посткосмонавт
сидит на диване
с покрывалом в персидских огурцах,
сцепленных крепче созвездий.
Теперь они вместе, и ему тепло.
Через стекло
шлема видна седина.
Теперь это всюду,
и рядом какие-то времена.

Снег – новости,
рябящие и монотонные,
нагрузка.
Или гештальт, способный держать в тоннеле

внимания,
словно Уилсона Бентли, Мистера Снежинку,
решившего первым
фотографировать их,
доказавшего единичность формы
каждой снежинки.
Бентли сделал пять тысяч таких фотографий.
На заре информационной эры.
Зачем-то. Пять тысяч раз зачем-то.
Пять тысяч предсказуемых новостей.

читаю читаю читаю
хожу и сажусь
читаю
бицепсы чтений блестят
словно стразы на туфлях
бодибилдерки
замечаю замечаю замечаю
что морщины
имеют голос
допиктограмм дофиникии достраз
здесь все имена
Создателя

пейзаж сильней ландшафта
тесней тесней
пейзаж похож на завтра
юдольных дней

ландшафт на всю историю
во тще и монографии
развернутый темнеть

пейзаж похож на праздник
на скатерти листву
какая скажут разница
пейзаж переживут

бумажная география
бумажное сакральное

слышен
только шелест
печатали
плели

этого ли хотели

Росомаха зарос власьми
и трясет когтьми
над идущими в хлебный людьми,
этот постер сырой
полон каплями, словно ментальной икрой,
центр города в феврале,
если мимо пойду, прошепчу: Пиру – пир.
Киру – Кир.
Росомахе – шале.

Территория, где собирався править,
заросла травой,
кустами, деревьями,
сюда выпускают коз.
И полотенце на чьей-то рабице.
«Победа будет за нами», –
говорил мне маршал.
И вот за спиной победа.
И передо мной вопрос.